

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

И. В. ГОЛОВНЯ

Великий просветитель
и гуманист
ГЕНРИ ФИЛЬДИНГ

Серия VI
№ 21

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва — 1954

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат филологических наук

И. В. ГОЛОВНЯ

Великий просветитель и гуманист ГЕНРИ ФИЛЬДИНГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1954

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества
по распространению политических и научных
знаний просит присылать отзывы об этой брошюре
по адресу: Москва, Новая площадь, д 3/4.

Автор
Ирина Валентиновна Головня.

Редактор **И. В. Миримский.**
Редактор издательства **Е. Н. Конюхова.**
Техн. редактор **П. Г. Ислентьева.**

А 07940. Подписано к печати 20/XI 1954 г. Тираж 63 500 экз. Изд. № 342.
Бумага 60×92¹/₁₆ — 1 бум. л.=2 п. л. Учетно-изд. 2 л. Заказ № 3188.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

По призыву Венской сессии Всемирного Совета Мира прогрессивная общественность всех стран торжественно отмечала в 1954 году двухсотлетие со дня смерти великого английского писателя Генри Фильдинга.

Фильдинг был представителем самого передового общественно-политического движения XVIII века — Просвещения. Современник Кантемира, Ломоносова, Лессинга, Вольтера и Дидро, Фильдинг так же как и его соратники — просветители Франции, Германии и России, горячо отстаивал интересы простого народа, свободу и справедливость, питая острую ненависть к угнетению и порабощению личности.

Своими романами «Джонатан Уайльд Великий», «Джозеф Эндрус», «Том Джонс» и многочисленными комедиями Фильдинг создал монументальный сатирический памятник жизни и нравов английского общества своего времени.

«Он был первым англичанином,— пишет английский критик-коммунист Ральф Фокс,— понявшим, что дело романиста — говорить правду о жизни, как он ее видел, и он говорил ее на свой лад. В «Джонатане Уайльде» он сказал ее так, как она никогда не была сказана ни до него, ни после, как даже Свифту ни разу не удалось ее сказать, с простым и резким негодованием, которое продолжает жить до сих пор, потому что это — человеческое негодование, порожденное зрелищем унижения человеческой жизни».

Горячее сочувствие обездоленному труженику, искреннее желание видеть его счастливым и вера в его лучшее будущее — источник критической силы творчества Фильдинга, просветителя, демократа, гуманиста. Вместе со Свифтом и Смоллетом он смело выступал против всего реакционного и косного, против угнетения и несправедливости, страстно обличал захватнические войны, грабительскую политику господствующих классов, коррупцию правительства, своекорыстную внутрипарламентскую борьбу и подвергал сокрушающей насмешке «тартюфов в политике», «ханжей в религии», псевдопатриотов и торговцев правосудием.

Называя себя «историком своего общества» и «бытописателем частной жизни», он видел в человеке «высочайший предмет» для пера историка и поэта и требовал от художника глубокого изучения жизни, «без знания которой,— как говорил он в «Томе Джонсе»,— ни один автор не смеет писать ничего, кроме слова-

рей да букварей». Он поставил перед собой задачу — изобразить людей «всех званий и состояний», постичь «чудесное разнообразие человеческой природы». Он создал огромную галерею характерных персонажей — от обитателей городских трущоб и сельских хижин до парламентариев и министров.

В славной плеяде английских просветителей XVIII века Фильдинг занимает особое место как замечательный сатирик-публицист, комедиограф, «творец реалистического романа... удивительный знаток быта страны и крайне остроумный писатель» (Горький).

Полнокровное и жизнерадостное творчество Фильдинга привлекает своей правдивостью, неистощимым юмором, своей ненавистью к поработителям и мужественной критикой их пороков.

Вильям Теккере́й, английский сатирик прошлого века, писал о своем великом предшественнике: «Что за светлый ум и наблюдательность! Какое широкое сердце! Какая жизнерадостность! Как много истин оставил этот человек после себя! Сколько поколений он научил смеяться умным, здоровым смехом!»

Наряду с Сервантесом, Бальзаком и Дидро Фильдинг был любимым писателем Маркса. Пушкин ставил Фильдинга рядом с Мольером. Гоголь называл имя Фильдинга как одного из тех писателей, которые вдохновляли его своим реализмом. Фильдингом увлекался и Чернышевский. Высоко ценил великого английского романиста Горький.

Пьесы и романы Фильдинга приобрели обширнейший круг читателей в Советской стране.

Решение Всемирного Совета Мира о чествовании памяти Фильдинга — это не только дань уважения к великому писателю прошлого, но и признание того, что произведения его принадлежат всему передовому человечеству, вместе с нами живут и борются сегодня за мир во всем мире, за свободу и независимость всех народов на земле.

* * *

Фильдинг родился 22 апреля 1707 года в обедневшей аристократической семье. Однако аристократическое происхождение и связи с знатными кругами не дали Фильдингу ни положения в обществе, ни титула, ни материального благосостояния. Получив классическое образование в дворянском колледже в Итоне и проучившись два года в Лейденском университете в Голландии, где он изучал философию, литературу и искусство, Фильдинг оставляет учение и становится профессиональным писателем, начав писать для театра.

Еще до поступления в университет двадцатилетний Фильдинг выпускает сатирическую поэму «Маскарад», в которой высмеивает нравы великосветского общества. Знаменателен тот факт, что свою поэму Фильдинг подписал псевдонимом

Лемюэля Гулливера — «поэта-лауреата короля Лиллипутни», подчеркнув тем самым преемственность своего произведения с гениальной сатирой Свифта. Вслед за тем Фильдинг пишет свою первую комедию «Любовь под разными масками» (1728), которая благодаря влиятельной родственнице писателя леди Монтегью была успешно поставлена на сцене королевского театра Дрюри-Лейн. В Лейдене Фильдинг начал работу над одной из лучших своих комедий «Дон Кихот в Англии», которая и определила основную линию его драматургического творчества.

Современники рисуют Фильдинга того времени как жизнерадостного, энергичного, никогда не унывающего юношу. Одна из ранних пьес, «Авторский фарс», проливает некоторый свет на тот период жизни начинающего драматурга. В ней он правдиво отобразил незавидную судьбу писателя в буржуазной Англии с его неуверенностью в завтрашнем дне и зависимостью от полуграмотных издателей и алчных книгопродавцев.

Фильдинг пишет много и с поразительной быстротой, всей душой отдаваясь любимому делу. За девять с лишним лет им были созданы двадцать пять пьес различных комедийных жанров. Комедии нравов: «Любовь под разными масками» (1727—1728), «Щеголь из Темпля» (1729—1730), «Политикан из кофейни или Судья в собственной ловушке» (1730), «Всеобщий любезник» (1734—1735) и др. Фарсы: «Авторский фарс» (1730), «Новый способ удержат жену дома» (1730), «Эвридика» (1737), «Освистанная Эвридика» (1737), «Фаэтон в мыльной пене» (1737). Пародии: «Мальчик-с-пальчик, Великий» (1730), «Ковент-Гарденская трагедия» (1732). Балладные оперы: «Грэб-Стритская опера» (1731), «Лотерея» (1732), «Дон Кихот в Англии» (1733—1734). Сатирико-политические пьесы-памфлеты: «Пасквин» (1736) и «Исторический ежегодник за 1736 год» (1737).

Злободневные и остроумные пьесы Фильдинга вызывали раздражение и недовольство правительства. Представление «Грэб-Стритской оперы», содержавшей намеки на короля Георга II и августейшую супругу его Каролину, было прервано полицией, которая явилась арестовать актеров. Владельцы театров не желали ставить пьесы Фильдинга, носившие политический характер. Королевский театр Дрюри-Лейн отказал Фильдингу в постановке его сатирической комедии «Дон Кихот в Англии».

В 1736 году Фильдинг арендует «Маленький театр» в Хаймаркете и с труппой молодых актеров ставит одну за другой свои блестящие сатирические комедии. Среди радикальных кругов английского общества пьесы Фильдинга пользовались огромной популярностью. Со сцены Хаймаркетского театра произносились смелые, обличительные речи против пра-

вительства, велась борьба за реалистическое искусство, за свободу слова и свободу театра. Фильдинг, как сказал о нем его биограф Кросс, становится «центром всех бурь английской драмы этого периода». Против него выступают правительственный орган «Дейли Газеттир» и газета тори¹ «Крафтс-мэн». Сатирическая пьеса Фильдинга «Исторический ежегодник за 1736 год» послужила причиной того, что правительство, раздраженное нападками сцены, внесло в парламент законопроект об установлении театральной цензуры. В ходе дебатов законопроект встретил отпор оппозиции, представителем от которой выступил лорд Честерфильд. Его блестящая речь в защиту свободы слова была написана им, по утверждению современников, совместно с Фильдингом. Однако парламент под давлением премьер-министра Уолпола в июне 1737 года принял закон о правительственной цензуре, положившей конец жанру политической сатиры в английской драматургии XVIII века. Этим законом предусматривалось также закрытие всех театров, не имеющих официального разрешения на существование. И «Маленький театр» был закрыт.

Так оборвалась в самом расцвете драматургическая деятельность блестящего комедиографа. Впоследствии Фильдинг с сожалением говорил о том, что он «перестал писать для сцены в тот момент, когда он должен был начать писать для нее». В поисках средств существования, чтобы обеспечить себя и свою семью, тридцатилетний Фильдинг, популярный и любимый лондонцами драматург, садится на студенческую скамью Юридической школы Лондона в Мидль-Темпле и готовится стать судьей. В 1740 году он был допущен к адвокатской практике. Но полемический энтузиазм Фильдинга не остывает, он занимается журналистикой и литературой и со свойственной ему энергией и темпераментом откликается на политические и литературные споры его времени.

В годы 1739—1741 Фильдинг издает сатирико-нравоописательный журнал «Чемпион» («Борец»), пишет дидактические очерки, послания, в которых выступает как просветитель, как страстный проповедник образования и критик современных нравов: «Опыт о познании человеческих характеров» (1743), «Свобода» (1743), пишет аллегорическую сатиру «Путешествие в загробный мир» (1743). В эти же годы он работает над своим большим сатирическим романом «Джонатан Уайльд Великий» (1742—1743), в котором бичует всеобщее плутовство, царящее в буржуазной Англии.

Политическая деятельность Фильдинга связана с так называемой «сельской партией», в которую входили представители тори, называвшие себя «патриотами», а также часть вигов²,

¹ Тори — партия крупной земельной аристократии.

² Виги — партия торговой и банковской буржуазии и части обуржуазившейся аристократии.

недовольная политикой правительства. «Сельская партия» стояла в оппозиции к кабинету Уолпола, выступала в парламенте с обвинениями правительства в коррупции, в бездеятельности. Но с падением кабинета Уолпола в 1742 году и с приходом к власти оппозиции Фильдинг понял, что и эта партия чужда интересам народа, что и ее политика направлена на защиту интересов имущих классов. В своем памфлете «Видение об оппозиции» Фильдинг обличает деятельность «сельской партии».

В 1742 году выходит первый реалистический роман Фильдинга «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса». В период якобитских восстаний (якобитами называли реакционных дворян, сторонников свергнутой династии Стюартов) Фильдинг издает антиторийский журнал «Истинный патриот» (1745—1746) и «Якобитский журнал» (1747—1748)¹. В 1749 году появляется самый замечательный роман Фильдинга «История Тома Джонса, найденыша», который принес писателю мировую славу.

В 1748 году Фильдинг принимает место мирового судьи в Вестминстере. Честность, стремление к истине и справедливости руководили Фильдингом в течение всей его судейской практики. Он работал по 16 часов в сутки, не выходя из здания суда, разбирая сотни гражданских и уголовных дел. Процесс «огораживания» земель привел к пауперизации деревни, выгнав миллионы людей на большие дороги Англии, превратив их в бездомных бродяг и воров. Преступления среди белого дня не являлись редкостью. Грабили у театральных подъездов, на Пикадилли и на окраинах Лондона. Фильдинг борется с преступностью и стремится проникнуть в породившие ее причины.

Как просветитель и судья Фильдинг выполнял задачу «исправления нравов общества». Снова с негодованием звучит его голос, обличающий коррупцию и пороки современного общества. В своем «Обращении к суду присяжных» (1749) он клеймит публичные и игорные дома, называя их «семинариями пороков», пройдя которые молодые люди попадают на скамью подсудимых. Судей он обвиняет в нерадивости, в пренебрежении к своей работе, в корыстолюбии. Он говорит о пьянстве, нищете, лишениях и голоде, в которых прозябали «низшие» классы общества. «Если бы мы совершили прогулку по окрестностям Лондона и заглянули в жилища бедняков, мы бы увидели беспросветные картины человеческого горя,— писал Фильдинг в своем «Обращении к суду присяжных»,—...семьи, лишенные самых необходимых средств существования, замученные голодом и холодом... нищетой, грязью, болезнями».

¹ Название этого, по существу, антиякобитского журнала имело явно насмешливо-пародийный смысл.

Фильдинг подвергает критике существующие законы, стараясь обратить внимание правительства на класс «самый полезный», но более всего презираемый и игнорируемый правительством, — на трудовой народ.

Фильдинг пишет «Исследование о причинах недавнего роста грабежей» (1751), «Предложения по организации действительного обеспечения бедняков» (1753), настаивает на пересмотре английского законодательства, отмене публичных наказаний и казней, требует обеспечения бедняков работой.

Последний роман Фильдинга «Амелия» излишне сентиментален и даже пессимистичен и свидетельствует о начале большого внутреннего кризиса писателя. Но и в этом произведении Фильдинг, используя свой огромный опыт судьи, обращается к критике буржуазного законодательства, рисуя мрачные картины судопроизводства в Англии.

Изнурительный труд, требовавший огромного напряжения сил, подорвал здоровье Фильдинга, этого неутомимого, энергичного и жизнерадостного человека. Учащаются приступы подагры и астмы. В 1754 году по совету врачей он едет лечиться в Лиссабон. До последних дней своей жизни он не расстается с пером. Уже будучи смертельно больным, он пишет свой «Дневник путешествия в Лиссабон» (1754). В этом городе, вдалеке от друзей и родины, Фильдинг умер 8 октября 1754 года на сорок седьмом году жизни.

Вся жизнь Фильдинга была страстным служением истине, неутомимой борьбой демократа и гуманиста за торжество просветительских идеалов, за свободу и счастье английского народа.

* * *

Во времена Фильдинга Англия представляла собой «классическую страну капитализма». Она пережила в XVII веке полосу революционных битв против феодально-абсолютистского строя, победоносный исход которых решил народ. Но плоды победы захватила буржуазия. Революционный период английской истории закончился в 1689 году так называемой «славной революцией» — политическим компромиссом между поднимающейся буржуазией и бывшими феодальными землевладельцами; в результате к власти пришли две партии — партия вигов и партия тори. Англия становится буржуазно-конституционной монархией.

В интересах господствующих классов английское правительство развивает бешеную агрессивную политику, ведет грабительские войны, расширяет свои колониальные владения, куда устремляются ловкие хищники и миссионеры, «цивилизованные пираты» и «благочестивые мясники», как их называл Свифт, мечом и крестом обращавшие в рабство миллионы людей.

Революционный пафос английской буржуазии XVII века, ставшей после «славной революции», по словам Энгельса, «скромной, но признанной частью господствующих классов Англии», сменяется философией «здорового смысла», практикой обогащения, конкуренции и усилением эксплуатации народа. И религия, которая в недалеком прошлом была в руках буржуазии оружием борьбы против феодализма, отныне получает новое назначение. «Скоро,— пишет Энгельс об английском буржуа,— он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысел божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий»,— огромной производящей народной массы,— и одним из применявшихся при этом средств было влияние религии»¹.

Вместе с тем историческая задача борьбы с остатками феодальных способов угнетения и феодальной идеологии не была еще решена окончательно и не утратила в это время своего значения. Вот почему, выступая против пережитков феодального строя, идейные вожаки буржуазии — просветители — сохраняли связь с народом и тем самым демократическую базу для своей деятельности. Слова Ленина о том, что просветители «совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»², относятся и к представителям английского Просвещения, несмотря на умеренный, компромиссный его характер. В отличие от французских просветителей, чья деятельность протекала в предреволюционной обстановке, идейные руководители английской буржуазии, уже пережившей свою революцию, «просвещали» английские головы во имя создания буржуазного общества, которое, как им казалось, будет построено на принципах «разума» и справедливости, во имя экономического, идеологического и морального самоутверждения «третьего сословия».

Противоречия общественной жизни Англии, положительные и отрицательные стороны идейного и экономического развития буржуазного общества нашли свое наиболее полное выражение в просветительской литературе, особенно в ее ведущих жанрах — реалистическом романе и памфлете.

Просветительская литература особенно охотно обращается к изображению «частной жизни» «третьего сословия», к показу нового положительного героя — среднего человека. Она «помогла,— пишет Горький,— сменить мир чуждых буржуазии XVIII века рыцарей, принцесс, героев и чудовищ, поставив на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XVI, ч. II, стр. 299.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

их место близкую и родную новому читателю обстановку его семьи, его общества, окружив его его же тетками и дядьями, братьями, сестрами, друзьями и приятелями, словом всей родней его и всем миром реальной, повседневной будничной жизни... помогала ему понимать сложные отношения людей, помогала строить ту систему отношений к ближним, кою мы называем буржуазной нравственностью».

В произведениях ранних просветителей — Дефо и Свифта, представителей зрелого Просвещения — Фильдинга, Ричардсона и Смоллета, сентименталистов — Гольдсмита и Стерна, отразились основные характерные особенности современного им английского общества: формирование буржуазной семьи и морали, борьба буржуазии за свое экономическое господство, ее хищническая деятельность в колониях, разложение «высшего» сословия, бесправное положение народа и разорение деревни, внутрипартийные распри, которые Маркс охарактеризовал как «игру в качели» между тори и вигами и т. д.

Но критика буржуазно-аристократического общества в произведениях отдельных английских реалистов не отличалась достаточной решительностью и последовательностью. Большинство английских просветителей не мыслило себе иных общественных форм, кроме буржуазных, страшилось всяких переворотов, кровавых и бескровных. Отсюда проповедь исправления «частных пороков» в рамках существующей системы, религиозно-морализаторские тенденции, дух соглашательства и филистерского благодушия, которые тяготеют над многими, даже значительными произведениями просветительского века в Англии.

Конечно, и Фильдинг не в силах был преодолеть идейную ограниченность своего времени, и в его романах в большей или меньшей степени имеются и любование семейным довольством и благополучием, и вера в незыблемость существующих отношений, и идеализированное представление о «нормальном» буржуазном человеке, и морализация. Но не эти черты являются ведущими в его творчестве; мы ценим Фильдинга прежде всего как великого реалиста-сатирика, искренне и честно, с открытым забралом выступившего на борьбу против социальной несправедливости, как гуманиста, видевшего свое призвание художника и общественного деятеля в том, чтобы нести своему народу свет разума и знания.

* * *

В предисловии к своей пьесе «Исторический ежегодник за 1736 год» Фильдинг писал: «Если природа хоть сколько-нибудь наделила меня талантом к осмеянию порока и подлости, я не пренебрегу им и не побоюсь использовать его, пока существует свобода прессы и свобода сцены». Свое обещание он выполнил с честью.

Выдающийся английский драматург Бернард Шоу выступил в 1898 году с высокой оценкой социального и художественного значения комедий Фильдинга. В предисловии к своему циклу «Неприятных пьес» он называет Фильдинга «величайшим из всех профессиональных драматургов, появившихся на свет в Англии от средних веков до XIX века, за исключением одного лишь Шекспира», и воздает ему должное за то, что он «посвятил свой гений разоблачению и искоренению парламентской коррупции, достигшей к тому времени своего апогея».

Действительно, веселые и остроумные пьесы Фильдинга — это глубоко правдивые, незабываемо сильные и яркие страницы английской жизни XVIII века. Фарс, балладная опера, пародия, нравоописательная комедия, политическая пьеса-памфлет — таковы разнообразные драматические жанры, в которых Фильдинг проявил большое художественное мастерство, тонкую наблюдательность и глубокое понимание нравов своей эпохи.

Комедия Фильдинга искрится остроумием. В ней есть интересный, захватывающий сюжет, жизненно убедительный конфликт, яркие образы, прозрачная и доходчивая мысль. Фильдинг не боится фарсовых положений, грубоватой народной шутки, острого крылатого слова. В его пьесах действуют и лирические пары влюбленных, и буффонадные персонажи, и гротескные фигуры скупца, педанта, спесивца, лицемера; причем действующие лица часто носят имена, указывающие на главную черту их характера: Эварайс — скупость, Скуизем — вымогательство, Прайд — гордость и т. д. Создавая свои комедии, Фильдинг видел перед собой блестящие образцы драматургического творчества Шекспира и Мольера. Один его учил смело и правдивому изображению человеческих чувств, другой помогал яснее видеть человеческие пороки и слабости и рисовать их с ощутимой наглядностью и остротой. Язык Фильдинга гибок и многокрасочен, исполнен жизни и насмешливого задора.

Фильдинг владел в совершенстве стихотворной формой и охотно ею пользовался. Ему в равной мере удаются и торжественно приподнятый героический стих трагедии, и живой, близкий к разговорной речи грубоватый стих народного фарса, которым нередко перемежается прозаический текст.

Используя в своих комедиях различные жанры народного творчества, Фильдинг создает грустные лирические баллады, шуточные, пародийные и сатирические песенки; ими особенно богаты его так называемые «балладные оперы». Пьесы Фильдинга находили горячий отклик у зрителей, которые бурно аплодировали дерзкому остроумию писателя, без труда расшифровывая аллегории и намеки и узнавая в действующих лицах реальных людей, представителей политического и литературного мира.

Фильдинг был не только создателем нового просветительского театра, но и суровым критиком современного ему театра

и драматургии. Из его пьес мы черпаем много сведений о состоянии английской драмы и комедии того времени, о положении актера и писателя, об их отношениях с владельцами театров, о нравах зрителей.

В образах действующих лиц пьесы «Пасквин» Трепвита и Фастиена Фильдинг осмеял бездарных драмоделов того времени, их ремесленнические приемы. Для Фастиена самое главное в писательской практике — это «проволочка» или «искусство растягивать». Трепвит вовсе не знает, что такое сюжет, хотя он и хвастается тем, что его комедия сочетает в себе мольеровский «юмор, естественность и простоту», что ему «хорошо известны законы сцены» и что он «не стал бы писать комедию, где никто не женится».

Не щадит сатира Фильдинга и авторов, которые занимаются перекраиванием чужих пьес, переделками Шекспира, воруя друг у друга сюжеты.

Честный принципиальный писатель, Фильдинг не терпел лести и угодничества. Он зло смеялся над беспринципными писаками, литературными поденщиками, легко меняющими свои убеждения, за деньги готовыми изругать хорошую пьесу и расхвалить плохую, опровергать то, что только что превозносили. В «Авторском фарсе» один из таких писателей обращается к книгоиздателю: «Сэр, я принес вам пасквиль на министерство», но, узнав, что книгоиздатель не собирается выступать против министерства, автор сразу меняет курс: «Тогда, сэр, я могу предложить вам памфлет в его защиту».

Фильдинг не оставляет без внимания и некоторых критиков своего времени, упрекая их в невежестве, в непонимании литературных форм, в том, что они отличают комедию от трагедии лишь по тому, что «люди в зале больше смеялись, чем плакали». С сокрушением говорит писатель о зависимом положении автора, вынужденного искать влиятельного покровителя для того, чтобы произведение его увидело свет.

Утверждая принцип близости театра к жизни, Фильдинг-просветитель выступает против пустых и бессодержательных пьес, идущих на сценах лондонских театров, пьес, способных научить только пошлости, «располагающих к лени и праздности». Он ведет горячую полемику и с сентиментальной комедией, и с уже изжившей себя классицистической трагедией. В блестящей и остроумной форме он осмеивает ложный пафос «героической» трагедии, ее традиционное сюжетное построение, ее пристрастие к изображению призраков, похищений, убийств, к вечному неистовству страстей.

В своих комедиях и прологах к ним Фильдинг определяет задачи социальной сатиры, горячо полемизирует со своими литературными противниками. От драматурга Фильдинг требовал правдивости изображения характеров, мотивировки поступков действующих лиц. Смеясь над несуразностями со-

временных ему комедий, Фильдинг замечает, что в одной из них героиня на протяжении четырех актов обращается с достойным человеком, как с отъявленным негодяем, а в пятом, «вероятно в награду за это», получает его в мужья. Позднее в своем романе «Том Джонс», критикуя современное состояние сцены, Фильдинг не раз возвращается к вопросу о реалистическом раскрытии образов.

Сатирическая комедия Фильдинга охватывает большой круг социальных и бытовых тем: положение народа, вопросы политики и партийной борьбы, избирательная система, судопроизводство, семейные отношения, воспитание, брак, любовь, состояние литературы и театра.

Комедия «Щеголь из Темпля» — сатира на нравы буржуазно-аристократического общества. Брак по расчету — один из движущих мотивов комедии. За наследством богатой Белларины охотятся и ее дядя сэр Эварайс, который хочет женить на ней своего сына Педанта, и сэр Уайльдинг, и его сын, который одновременно ухаживает за чопорной с виду теткой Белларины и легкомысленной женой сэра Эварайса, леди Люси.

Вероломные кокетки, ищущие светских развлечений, остро-слова, повесы, циники, ханжи, стяжатели — таковы представители высшего света в комедиях Фильдинга. «Любить до свадьбы так же неприлично, как и не модно любить после нее», — цинично провозглашает леди Люси, смеясь над чувством любящей Белларины. Общую оценку нравов этого общества Фильдинг вкладывает в уста положительного персонажа пьесы — Веромиля: «В наши дни удивляться подлости? Нет, Валентайн, лучше удивляйся, встретив честного человека».

В этой же пьесе Фильдинг обращается к вопросам воспитания молодежи, рисуя двух молодых людей: Педанта-начетчика, который ничего не хочет знать, кроме греческих и латинских книг, и молодого повесу и бездельника Уайльдинга.

Уайльдинг делает вид, что учится, а на самом деле надувает отца, проматывает его деньги на кутежи и туалеты. В образе Уайльдинга автор показал аристократических сынков, недорослей, паразитов в семье и в обществе. Дух меркантилизма обуржуазившегося дворянства претит Фильдингу не меньше, чем сухой педантизм и начетничество. Для сэра Эварайса, отца Педанта, существует лишь одна наука, наука накопления денег; книги он презирает, слова «философия», «литература» приводят его в трепет: они для него синонимы бедности и, по его мнению, того, кто занимается философией или литературой, в конечном счете ждет тюрьма. «Существуют люди, умеющие заработать сотню тысяч фунтов, хотя они с трудом умеют написать эту цифру», — говорит сэр Эварайс сыну, внушая ему, что деньги — главное в жизни. Но скупость, педантизм, чопорность, легкомыслие и лицемерие

подвергаются в пьесе посрамлению, над ними торжествуют честные и нежные сердца влюбленных Беллари и Веромиля.

В блестящей, веселой, жизнерадостной комедии нравов «Политикан из кофейни или Судья в собственной ловушке» мы находим едкую и остроумную критику судопроизводства Англии и вершителей ее законов.

Главное действующее лицо комедии — мировой судья Скуизем, «торговец правосудием», ханжа и вымогатель. Фильдингу и его современникам был хорошо знаком такой тип судьи. В Англии судья безнаказанно пользовался властью, он мог из ничего создавать дела, подкупать свидетелей, оказывать давление на присяжных. Деньгами его можно было склонить в ту или другую сторону; никогда нельзя было сказать, как решит судья, ибо шансы были равны как для правого, так и для неправого.

«Если здесь есть плутовство, то судья играет в нем главную роль», — говорит Рэмбл, раскрывая главную мысль комедии. Скуизем — мошенник и ханжа, ежечасно попирающий закон ради своих интересов. Он считает, что «от подчинения законам должны освобождаться их создатели и исполнители, подобно тому, как авторы и актеры освобождаются от платы за вход в театр». В законе Скуизем ищет лазеек, помогающих ему нажиться за счет тяжущихся; он сетует на то, что в Англии нет такого закона, который защищал бы беззаконие судей.

В сети, раскинутые судьей, попадают юная Хиларет, дочь Политика, ее возлюбленный Констант и молодой Рэмбл, который впоследствии оказывается пропавшим братом Хиларет. Всяческими гнусностями судья пытается склонить девушку к ложесвидетельству против Рэмбля, которого обвиняют в том, что он совершил насилие над Хиларет. Сто фунтов откупа — вот что нужно судье. Но у Рэмбля нет денег; и Скуизем, убедившись в том, что с него ничего не возьмешь, заявляет ему: «Если вы не имеете возможности платить за свои проступки как богач, вы должны отвечать за них как бедняк».

Объявив лицемерие «лучшим покровом для греха», Скуизем обделяет свои грязные делишки, но в конце концов попадает в ловушку своих же собственных интриг. Окончательное разоблачение Скуизема происходит в доме мистера Уорти, который олицетворяет собой истинное Правосудие.

В образе Политика — другого главного действующего лица комедии — Фильдинг выводит типичную для того времени фигуру политического обывателя, завсегдатая кофейен. Политик глуп и невежествен, хотя и считает, что его голова является «картой всего мира». Политика — это его слабость, его страсть, его помешательство, но тем не менее он в ней ничего не смыслит. Все свое время он отдает чтению газет; мировые события занимают его гораздо больше, чем судьба собствен-

ной дочери, которой угрожает бесчестие. Сына своего он давно выгнал из дому и утешает себя мыслью о том, что он уже повешен.

В этой пьесе Фильдинг подвергает также резкой критике и буржуазную прессу того времени, с ее безответственными выступлениями и туманными политическими предсказаниями, «оставляющими читателей в том же недоумении, в котором они пребывали».

Алчности, корыстолюбию, расчету Фильдинг противопоставляет в своей пьесе любовь и дружбу — тесный союз молодых людей, которые расстраивают козни судьи.

Сочными, живыми красками нарисованы образы «служителя Бахуса» — Сотмора и «пажа Венеры» — молодого Рэмбля. Кажется, что эти два приятеля сошли со страниц веселой фальстафиады бессмертного Шекспира. Сотмор такой же «философ бутылки», как и Фальстаф, но он честен и бескорыстен, всегда готов помочь другу и встать на защиту обиженного. В Рэмбле бурно кипит кровь, сердце его открыто для любовных утех, чувственная природа проявляется у него в открытой и грубой форме.

«Политикан из кофейни» — одна из самых ярких комедий Фильдинга. В ней много забавных комических ситуаций, много смеха, движения, жизни. Смех в комедии Фильдинга — не только средство критической оценки действительности, но и утверждение земного бытия со всеми его радостями. Его комедии глубоко реалистичны. Даже «мифологические» фарсы несут у него яркую бытовую окраску. Так, в фарсе «Эвридика» автор превращает античный миф об Орфее в веселую и остроумную комедию нравов о муже и сварливой жене, в злободневный памфлет.

Дух великого Сервантеса живет в сатирической комедии Фильдинга «Дон Кихот в Англии». Страстное увлечение Сервантесом Фильдинг пронес через всю свою творческую биографию. Он постиг гуманистический замысел романа Сервантеса и его пленил образ благородного безумца Дон Кихота. Дон Кихот в комедии Фильдинга, так же как и в произведении великого испанского романиста, выступает как воплощение человеческой доброты, бескорыстия и гуманизма.

Блистательный талант Фильдинга позволил ему «дописать» своим пером образ рыцаря и его оруженосца подлинно сервантесовскими красками. Дон Кихот живет в мире вымыслов и фантазии. Он принимает постоянный двор за замок, служанку — за Дульцинею Тобосскую, соседнего помещика — за злого волшебника. В гостинице он разбивает окна, желая освободить заколдованную принцессу, и рыцарю, как говорит сам хозяин, «приходится больше платить за разбитые стекла, чем за пищу». Санчо Пансо лукав и практичен. Он предпочитает насыщать свою утробу и наполнять суму. Он здесь, как и

в романе Сервантеса, увлечен идеей губернаторства, но просит Дон Кихота пока устроить его хотя бы трактирщиком, ибо, как говорит он, «человек может схватить простуду, пока шьется его шуба». Речь его полна народных пословиц и поговорок, а его собственные поговорки остроумны и злы — он уверен в том, что «брань костей не ломит» и что «умный человек в мирное время в солдаты идет, в военное — в священники».

В посвящении к «Дон Кихоту» Фильдинг говорит о том, что ставит себе цель «изобразить коррупцию и народное несчастье» и к первоначальному варианту пьесы, задуманной еще в Лейденском университете, он добавляет сцены выборов, взятые из реальной английской действительности. Случается так, что рыцарь печального образа и его трезвый оруженосец попадают в маленький английский городок накануне парламентских выборов. Мэр города считает, что Дон Кихот приехал для того, чтобы выставить свою кандидатуру в парламент. Его принимают за богатого человека, прикидывающегося бедным, чтобы подешевле отделаться на выборах, а так как он все время говорит о королях и принцессах, то решают, что он кандидат от придворной партии. Узнав, что мэр города хочет сделать его орудием своих интриг и материальных расчетов, Дон Кихот негодует и с горечью говорит о том, что в этом мире человеческое достоинство и честность стали предметом купли и продажи. Он осуждает социальное неравенство, ставящее богатых над законами. «...Тюрьмы во всех странах, — говорит он, — пристанище людей бедных, а не знатных. Если бедняк украдет у знатного человека пять шиллингов, его сажают в тюрьму, а знатный может обобрать тысячу бедняков и спокойно посиживать в собственном доме».

Дон Кихот гневно клеймит пороки буржуазного общества: лживость, эгоизм, корыстолюбие. «Посмотри вокруг себя, — говорит он Санчо. — Что дает жизнь большинству, кроме позора, нищеты и несчастий?.. Власть и богатство приходят к одному лишь ценой розорения и гибели тысяч людей».

В пьесе много смелых и дерзких выпадов против системы выборов в Англии, против кандидатов в парламент и избирателей.

«Когда политика превращается в фарс, она совершенно естественно приводит меня в театр», — говорит Фильдинг устами одного из действующих лиц пьесы «Исторический ежегодник за 1736 год». Действительно, почти в каждой пьесе Фильдинга мы находим элементы политической сатиры, которые подсказывала ему сама жизнь. Бесправное положение масс, антинародная политика правительства, беззаконие судей, партийные интриги, парламентские выборы, взяточничество — все это Фильдинг делает объектом своей сатиры.

«Пасквин» и «Исторический ежегодник» — самые острые

сатирические пьесы Фильдинга, венчающие собой все его драматургическое творчество. Сатирическая линия выступает здесь в открытой форме, определяет весь стиль пьес, их композицию и характеры действующих лиц. В этих пьесах мы не найдем единой сюжетной линии, образы ее даны сгущенно-шаржированно, это скорее политический памфлет, высмеивающий различные стороны общественно-политической жизни Англии. Так, например, «Пасквин» начинается с репетиции комедии «Выборы». Главные действующие лица пьесы — мэр города и представители двух соперничающих друг с другом партий — тори и вигов, аллегорические имена которых весьма прозрачны. Это лорд Плейс, что означает «должность», полковник Промис — «обещание», сэр Гарри Фок Чейз — «охота на лисиц» (любимое занятие сельской аристократии). Автор и режиссер спектакля Трепвит тщательно репетирует сцену вручения взяток.

В форме живого и остроумного диалога Фильдинг вскрывает технику выборов и предвыборные махинации кандидатов. Он показывает, какие размеры принимает взяточничество, образуя своеобразный заколдованный круг, в который вовлечены и те, кто дает взятки, и те, кто их берет.

Он смеется над кандидатами, над их убогими умственными способностями и замечает с грустной иронией: для того, чтобы стать кандидатом в парламент, надо только уметь говорить «да» и «нет». Он иронизирует над нелепыми придворными должностями, оплачиваемыми за счет народа, такими, как, например, «должность съедать ростбиф», «носить красивое платье», должность придворного поэта-лауреата, которую «можно занимать... и вовсе не быть поэтом».

В «Историческом ежегоднике» Фильдинг бичует проводившуюся кабинетом Уолпола налоговую политику, издевается над «патриотами», призывающими к войне, которая нужна им для «процветания» их «лавки». Хотя писатель переносит действие на остров Корсику, зрители без труда угадывали в нем современную Англию. Пять политиков обсуждают вопросы внешней дипломатии «чрезвычайной важности», задают друг другу вопросы, на которые не могут дать ответа, и, хотя в конце концов приходят к выводу, что «все они ничего ровно не знают», упорно пытаются выглядеть мудрыми. Денежные вопросы их занимают больше, чем политические, и, послав к чорту разрешение международных проблем, они переходят к обсуждению способа «как подобраться к деньгам». Самый легкий способ, по их мнению, — это ввести налог, но, так как нет такой вещи, которая не была бы уже обложена налогом, один из политиков предлагает ввести налог на просвещение, но затем все соглашаются с тем, что выгоднее всего обложить налогом невежество, так как просвещение является достоянием немногих.

Вторая сцена, изображающая аукцион, представляет собой острую и уничтожающую критику нравов общества, насаждаемых правительством, которое попирает законы честности, порядочности и справедливости. Аукцион, который устраивает Фильдинг на сцене,— это смотр моральных и духовных качеств светского общества. Здесь все продается: «редчайший остаток Политической Честности», из которого, как объявляет аукционер, может выйти прекрасный плащ, одинаковый как с лица, так и с изнанки, удобный тем, что его можно перелицовывать; имеется «чистая совесть, побывавшая в употреблении у судьи и епископа», поэтому она уже запятнана; но совестью мало кто интересуется, ее откладывают в сторону. Скромность, Совесть и Целомудрие приравнены к «куче старого хлама», зато «Успех при дворе» покупается с бою.

В образах четырех «патриотов» Фильдинг высмеивает представителей оппозиции, намекая на то, что Уолполу посредством подкупов неоднократно удавалось привлекать сторонников враждебной оппозиции на свою сторону.

В конце пьесы появляется скрипач Квидам (Некто), изображающий премьер-министра. Он подкупает «патриотов», но, как мы узнаем, деньги снова попадут к нему, так как у каждого из «патриотов» в кармане дырка. Квидам заставляет их танцевать под звуки своей скрипки до тех пор, пока они не порастрясут полученные ими деньги,— намек на то, что все те суммы, которые правительство тратит на подкупы, так или иначе возвращаются к нему обратно.

«Исторический ежегодник», завершающий цикл комедий Фильдинга, свидетельствует о все возрастающей смелости писателя и обличительной силы его смеха. В этой связи глубокий смысл приобретают слова Фильдинга о том, что он «перестал писать для сцены в тот момент, когда должен был начать писать для нее». Парламент ответил на справедливую критику Фильдинга законом о театральной цензуре. Но Фильдинг не сдался. Изгнанный реакцией из драматургии, он нашел для себя новое, не менее плодотворное литературное поприще—роман. После падения министерства Уолпола и с приходом к власти оппозиции он публикует свой первый сатирический роман «Джонатан Уайльд Великий», в котором открыто продолжает линию своих политических комедий.

* * *

«Джонатан Уайльд Великий» — роман-памфлет, написанный в форме аллегии; в основе романа лежат реальные общественные отношения и действительные факты. Уайльд — известный вор и укрыватель краденого, был повешен в Лондоне в 1725 году. Криминальные «подвиги» «великого» проходимца

интересовали Фильдинга не сами по себе, а только как средство выразить ту смелую, но глубоко верную мысль, что между людьми преступного мира, присваивающими себе чужое добро вопреки закону, с риском для жизни, и эксплуататорскими классами, присваивающими себе труд миллионов с благословения закона и под его защитой, существует несомненное родство. Различие между ними заключается только в том, что первые действуют тайно, но открыто и цинично выражают свою аморальную сущность, в то время как вторые действуют открыто, но прикрывают свое хищничество маской лицемерия и фарисейства. «Существует тесная связь между высшими классами общества и его низами», — говорит автор, разумея под низами своего героя и его непосредственное окружение. Он упрекает аристократию в паразитизме и тунеядстве, ибо «те, что живут в великолепных дворцах и наслаждаются роскошью, несут лишь ничтожную долю труда в создании этих удобств». Фильдинг сравнивает Уайльда с государственными деятелями, стоящими у власти и продающими интересы страны и народа, и говорит, что «лучше быть вором, чем государственным деятелем, лучше украсть несколько шиллингов или несколько фунтов из кармана незнакомца... чем обмануть доверие народа и прикарманить состояние тысячи людей».

Мораль Уайльда в циничной форме выражает разбойничью философию всего буржуазно-аристократического общества — «с равной готовностью жертвовать всеми людьми ради своих интересов».

Иносказательный смысл романа ясен в целом и в частности. Так, тюрьма, в которую заключен Уайльд, является аллегорией капиталистической Англии. Перед нами два мира: мир хищников, больших и малых, пожирающих друг друга, и мир честных, простых людей. В главе «О шляпах», изображающей ссоры «трорирори» и «круглоголовых», «фитов», автор остроумно показывает борьбу тори и вигов, в главе «Волнения в Ньюгете» — борьбу за власть английских политических деятелей.

Фильдинг иронически называет своего героя «великим» и дает этому объяснение в конце романа: «Действительно, пока величие определяется могуществом власти, честолюбием, наглостью, нанесением зла человечеству, пока слово великий человек и великий негодяй будут синонимами — Уайльд останется недостижимым на вершине своего величия».

Байрон писал об этом романе Фильдинга в «Разрозненных мыслях»: «Никогда еще неравенство состояний и ничтожество власть имущих не было обрисовано с такой силой и выразительностью», и подчеркивал, что «живи Фильдинг сейчас, его бы разоблачили в «Курьере» как глашатая и сторонника революционеров».

«Джонатан Уайльд» подводит итог политической сатире Фильдинга 30—40-х годов. Однако, разоблачая всеобщее плутовство и продажность, Фильдинг не делает каких-либо радикальных выводов. Оставаясь в кругу идей своего времени, он видит главное средство искоренения социального зла в естественной склонности человека к добру, причем вера в добрую человеческую природу превращается в последующих романах писателя в целую философию, которая роднит его с гуманистами эпохи Возрождения.

* * *

«История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абрама Адамса» открывает новый период в творчестве великого реалиста. В этом произведении Фильдинг выступает как зрелый художник, создатель нового жанра романа, который он определяет как «комический эпос в прозе». Сближая его с эпосом, Фильдинг преследовал цель показать широкий круг явлений и действующих лиц, «обшарить все уголки жизни» и все ее закоулки. Он называет свой роман «комическим» потому, что верит в обличительную силу смеха и видит в комическом действенное средство раскрытия отрицательных сторон действительности. Смешное выступает в его романах как «казнь уродливых нелепостей», употребляя выражение Белинского. Жанр комического был близок таланту Фильдинга-комедиографа, он отвечал задаче исправления нравов, которую ставил себе Фильдинг-просветитель и как он формулировал ее в «Джозефе Эндрусе»: «Показать зеркало тысячам в тишине их кабинетов, чтобы они могли узреть свое уродство и постарались бы его изжить».

Главный источник смешного Фильдинг видит в имеющей вековую давность исторически сложившейся черте английского буржуа и дворянина — притворстве. Смешное возникает, по Фильдингу, из процесса «распознавания притворства», когда читатель внезапно узнает, что «человек представляет собою нечто обратное тому, чем он притворялся».

Первоначально «Джозеф Эндрус» был задуман как пародия на нашумевший роман Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель», опубликованный в 1740 году, роман «отменно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный», как называет Пушкин в «Графе Нулине» семейно-бытовой психологический роман XVIII века.

В «Памеле» рассказывается история добродетельной девушки-служанки Памелы Эндрус, которая после смерти своей госпожи подвергается настойчивым любовным преследованиям своего молодого хозяина, светского повесы и бездельника мистера Б. Роман заканчивается тем, что, в конце концов, покоренный ее красотой и душевным благородством, мистер Б. де-

дает ее своей законной женой, на что Памела охотно соглашается, так как втайне любит своего господина.

Противопоставляя благонравную служанку порочному дворянину, Ричардсон не выходит за пределы чисто этического конфликта, да и тот очень скоро теряет свою остроту, разрешаясь путем «славного компромисса»: гордая бедность, утерев слезы, спешит соединиться со знатным богатством. Памела превращается в чопорную даму, в резонерствующую пуританку, преподающую уроки добродетели и составляющую даже нечто вроде сборника правил житейского поведения.

В «Джозефе Эндрусе» Фильдинг полемизирует с Ричардсоном на широкой философской и художественно-эстетической основе. Спор Фильдинга с Ричардсоном явился отражением идейных разногласий среди просветителей, борьбы двух линий в просвещении — апологетической и критической, буржуазно-пуританского догматизма и материалистического свободомыслия.

Ричардсон держался в стороне от политической борьбы, благословлял английскую конституцию как «совершенный продукт английского разума» и ревниво стоял на страже официальной буржуазной нравственности. Фильдинг, напротив, был деятельным общественным человеком, мимо которого не проходило ни одно событие современности, он обличал правящие круги своей страны и поднялся над аскетическим самоограничением буржуазии и ее религиозной моралью.

Строгий рационалист и проповедник, Ричардсон с недоверием относился к чувственной природе человека, ограждал своих героев от влияния порока частоколом религиозного благочестия, здравого рассудка и нравственности. Фильдинг, переключаясь с гуманистами Возрождения, ратует за свободное проявление чувств, за благотворное равновесие плоти и духа, верит в совершенство человеческой природы, в естественную склонность человека к добру и видит обязанности писателя в том, чтобы показывать нравы общества, открывать перед читателем просторы жизни и рисовать в широком плане панораму эпохи. В силу этого положительные герои Фильдинга — живые, реальные люди, плоть и кровь материального мира, дети природы, повинующиеся голосу сердца, добрые без филистерской расчетливости и честные без лицемерия.

Пародийный план «Джозефа Эндруса» выступает обнажено только в первых главах романа, в его завязке, напоминающей сюжет «Памелы». Фильдинг усиливает комическое впечатление тем, что делает своим героем не девушку, а образцово добродетельного юношу Джозефа, брата «несравненной Памелы», который служит лакеем в доме родственника мужа Памелы. После смерти господина вдова его, лэди Буби, пытается соблазнить Джозефа. Вдохновленный примером своей сестры, Джозеф самоотверженно защищает свою невинность, исполнен-

ный решимости «не опорочить свое имя — Иосиф». Он урезонивает влюбленную леди, преподает ей урок добродетели и сожалеет о тех мужчинах, которые мало заботятся о своем целомудрии; им он рекомендует прочитать письма Памелы, надеясь, что ее пример послужит их исправлению. Фильдинг усложняет сюжет тем, что благонравие Джозефа одновременно подвергается осаде со стороны пожилой, безобразной и злой домоправительницы Слипслоп. Потерпев неудачу на любовном поприще, домоправительница наговаривает на Джозефа своей ревнивой хозяйке, и та приказывает ему оставить дом.

На этом заканчивается веселая и остроумная пародия. Выясняется тайная причина целомудренного поведения Джозефа: он любит Фанни, крестьянскую девушку, ранее изгнанную Слипслоп из дома Буби за ее красоту. Джозеф отправляется на поиски своей возлюбленной, и с этого момента роман переключается из пародийного в реалистически-авантюрный план.

Подзаголовок «Джозефа Эндруса» гласит: «Написано в манере Сервантеса, автора «Дон Кихота». Фильдинга, называвшего себя «историком своего общества», привлекает в романе Сервантеса эпический размах произведения, широкий охват жизненных явлений. Фильдинг поклонялся Сервантесу, великому гуманисту и критику своего времени. Следуя манере Сервантеса, Фильдинг переносит читателя из дворянской усадьбы, где начинается действие, на большие дороги Англии, намеренно сталкивая своих странствующих героев с людьми различных сословий, профессий, характеров. При этом второстепенные персонажи у Фильдинга перестают быть только случайными спутниками героя, но представляют собой самостоятельные социальные типы, которые вплетаются в судьбу главных персонажей и вместе с ними устремляются к развязке. Роман Фильдинга уже не просто серия приключенческих новелл, а цельное, художественно завершенное реалистическое полотно.

Рост нищеты, бродяжничества и преступности, жестокие законы о бедных, дома призрения и тюрьмы, произвол и жадность судейского сословия, снобизм и самодурство дворян, фарисейская религиозность и лицемерная нравственность буржуазии, корыстолюбие и жестокое равнодушие тех и других к людским несчастьям, когда «в стране, исповедующей христианство, человек может умереть с голоду на глазах у ближних, процветающих в изобилии», — все это выступает в романе с такой реалистической яркостью и убедительностью, что и снисходительный юмор писателя не способен смягчить изображенные общественные противоречия.

«Проклятием и позором» для судейского сословия называет Фильдинг безграмотного адвоката Скаута и других «служителей» правосудия, которые готовы «выжать из закона» все, что будет угодно богатому. Леди Буби, желая удалить Фанни и

Джозефа из своего прихода, поручает адвокату Скауту состряпать против них обвинение, которое должно представить их правонарушителями и преступниками.

В лице управляющего имением Паунса и священника Траллибера Фильдинг разглядел новое зло, порождаемое складывающимися буржуазными отношениями. Траллибер — скряга, скупец, духовным ценностям предпочитающий «наличный капитал», получаемый от продажи свиней, которых он разводит с особой любовью. Питер Паунс ссужает деньги за «скромную мзду» в 50 процентов; таким способом этот, как иронически замечает писатель, «честный человек» из ничего сколотил себе капитал в 25 тысяч фунтов.

В окружении таких персонажей, как леди Буби, домохозяйка Слипслоп, хозяйка гостиницы Тау-Вауз, адвокат Скаут, судья Фролик и другие, образы Джозефа Эндруса и пастора Адамса выступают как олицетворение гуманистических представлений Фильдинга о здоровом, «естественном» человеке, не попавшем под губительное влияние эгоистической буржуазной морали.

Основным носителем идеи гуманизма и человеческой доброты Фильдинг делает пастора Адамса. Адамс — самый сложный и живой образ в романе. Он не докучливый резонер, хотя по роду своего призвания время от времени и пускается в поучения, он любит поесть и выпить, отлично работает кулаками и всегда весел и здоров, хотя жизнь отпустила на его долю не слишком много материальных благ. Бедняк, обремененный большой семьей, он представляет в романе то мелкое сельское духовенство, которое наряду с крестьянством подвергалось разорительному действию промышленного переворота. Тем не менее Адамс трогательно бескорыстен и равнодушен к материальным благам. Он, по собственному его признанию, «не сделал бы дурного дела даже ради того, чтобы стать епископом». Он друг обездоленных и несчастных, с которыми готов поделиться последним, учит человеколюбию и милосердию, разделяя веру Фильдинга в великую благотворную силу доброго человеческого сердца.

Адамс крайне простодушен, доверчив, житейски неопытен и до смешного рассеян. Он едет в Лондон, чтобы продать свои проповеди, но, оказываясь, он забыл их дома. Он часто становится жертвой обмана и подлости. Множество разнообразных, в большинстве случаев смешных злоключений Адамса делают его главной фигурой комической линии романа. Но это уже не плут авантюрной повести, который всех надувает и всюду ищет только своей личной выгоды, а добрый, печально-смешной фантазер и чудака, маленький Дон Кихот, на которого жизнь обрушивает свои удары. Комизм этого героя порожден несоответствием между суровой действительностью и его наивно-гуманистическими представлениями о ней. В этом смыс-

ле «донкихотизм» Адамса является своеобразной формой протеста Фильдинга против казенного мещанского благоразумия, самодовольства и лживой морали буржуазного общества.

«Джозеф Эндрус» — роман «счастливого конца». Фильдинг не отступает от той традиции, которая возникла вместе с английским буржуазным романом и явилась в нем внешним выражением примирительной общественной позиции английской буржуазии. Собрав в конце романа всех действующих лиц в Буби-холле, соединив руки Джозефа и Фанни, Фильдинг отыскивает для своего героя честных и состоятельных родителей и тем самым устраивает его судьбу.

В «Джозефе Эндрусе» нашла поэтическое воплощение свойственная почти всем просветителям теория «золотой середины», «счастливого среднего состояния», к которому должны стремиться и страдающая бедность, и развращенное богатство, и которое по существу является идеализированным царством буржуазии.

Роман Фильдинга блещет живительным, бодрящим, здоровым юмором, который заливает собой все страницы произведения, придавая своеобразное очарование повествованию. Юмор окрашивает и печальные эпизоды: приключение с грабителями, сцену суда над Джозефом и Фанни; юмор пронизаны и авторские характеристики и серьезные нравоучительные отступления. Фильдинг все время ведет разговор с читателем, объясняя ему замысел своего произведения, излагая свои взгляды на искусство. Этот прием авторских отступлений явился впоследствии основой для создания знаменитых вводных глав «Истории Тома Джонса, найденыша». Между этими двумя романами существует большое внутреннее родство. «Том Джонс» представляет собой также «комический эпос в прозе», рисующий жизнь больших дорог и «частный быт»; в нем нашли свое дальнейшее развитие художественные принципы, заложенные Фильдингом в «Джозефе Эндрусе».

* * *

«История Тома Джонса, найденыша» — огромная реалистическая эпопея нравов английского общества, высшее достижение художественного мастерства Фильдинга, самое целостное и гармоничное его творение.

«Одно из главнейших условий всякого художественного произведения, — писал Белинский, — есть гармоническая соответственность идеи с формой и формы с идеею и органическая целостность его создания. Поэтому всякое художественное произведение прежде всего должно отличаться строгим единством лежащего в его основании чувства или мысли»¹.

¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений, т. 2, стр. 491. Гослитиздат. 1948.

Всем этим требованиям отвечает роман Фильдинга. В нем все стройно, все внутренне целеустремлено, все подчинено общему замыслу, которым руководствуется Фильдинг-просветитель: «исследовать нравы общества» и отдельных людей, чтобы «развеять туман, застилающий умы смертных», и указать им путь к правде и счастью. Именно эта благородная цель — служить своим искусством народу побуждает Фильдинга искать новые средства реалистического воспроизведения действительности во всей ее широте и многообразии и сделать свой роман достоянием широких читательских кругов. Следуя попрежнему «манере автора Дон Кихота», Фильдинг предельно расширяет социальные рамки повествования, включая в него людей различных сословий, профессий, состояний. Этому способствует приключенческий характер романа, когда герой по воле автора странствует по большим и малым дорогам страны, встречаясь на своем пути с всевозможными представителями общества: сельскими помещиками и крестьянами, столичными аристократами и обитателями трущоб, судейскими чиновниками и духовными лицами, жителями провинциальных городков и хозяевами придорожных харчевен, слугами и куртизанками, одним словом, со всеми актерами, которые играют свою роль — смешную или трагическую, или попеременно ту и другую — на сцене театра, именуемого жизнью.

Роман Фильдинга с его многочисленными персонажами — весь на земле, весь реальная английская жизнь. Он от первой до последней страницы озарен ярким светом оптимизма и теплой, истинно демократической любовью к человеку. Однако свет этот не ослепляет писателя, не рождает в нем беспечно-равнодушного отношения к пороку и смиренного всепрощения к его носителям. Именно мечта о счастливом человеке и гармонически прекрасном мире и была тем плодотворным источником, который питал благородное негодование Фильдинга против социальных порядков, принижающих человеческую личность. В «Томе Джонсе» Фильдинг как сатирик и обличитель сказал свое последнее, на весь мир прозвучавшее слово.

Сюжет романа прост и внешне занимателен. Действие начинается в «деревенской глуши» Сомерсетшира, в доме всеми почитаемого помещика и судьи, пожилого, бездетного, добродетельного вдовца мистера Олверти, живущего вместе со своей сестрой старой девой, ханжой и притворщицей мисс Бриджет. Возвратившись однажды из Лондона, Олверти обнаруживает в своей спальне младенца. Оправившись от испуга, он просит домоправительницу позаботиться о мальчике и с утра заняться поисками его виновной матери. Подозрение падает на некую Дженни Джонс, деревенскую девушку, служанку в доме сельского учителя Партриджа. Найденыш, названный Томом Джонсом, усыновлен сострадательным мистером Олверти. Тем временем мисс Бриджет посчастливилось выйти замуж за неко-

его капитана Блайфила, и у них рождается сын Блайфил. Оба мальчика живут под одной кровлей, воспитываются одними учителями, но очень рано обнаруживают полную противоположность характеров: Том — озорник и забияка, то и дело нарушающий правила общепринятой морали, Блайфил — образец благонравия и послушания, он проверяет каждый свой шаг мерой разумности и здравого смысла. Один вызывает со стороны окружающих осуждение и порицание, другой — похвалу и умиление.

Назревающий конфликт между Томом и Блайфилом проявляется тогда, когда оба юноши влюбляются в красавицу Софью, дочь соседнего помещика, бешеного охотника, самодура и бражника мистера Вестерна. Любовь Тома искренна и восторженна, любовь Блайфила — одно притворство, подсказанное тайной мыслью стать наследником двух имений — дяди и будущего тестя. Сердце Софьи принадлежит Тому, но отец и тетка с возмущением отвергают ее выбор и настаивают на том, чтобы она вышла за дворянина и богатого наследника Блайфила. Происходит катастрофа. Том, оклеветанный Блайфилом, изгнан Олверти из дому. Софья добровольно покидает дом отца, чтобы избежать брака с ненавистным ей Блайфилом. Оба они, по разным дорогам, отправляются в широкий свет, в неведомое. Несколько сотен страниц посвящены описанию странствований и приключений влюбленных, которые разыскивают друг друга и никак не могут встретиться. В конце концов пути их скрещиваются в Лондоне, в кругу самой высокой и самой развращенной аристократии, куда их приводят превратности судьбы. Роман подходит к развязке, которая, при всем ее остроумии и фабульной замысловатости, — дань традиции английского романа. Блайфил разоблачен как завистник, интриган и злодей. Том оказывается незаконнорожденным сыном благочестивой и высоконравственной мисс Бриджет, которая подговорила Дженни взять грех на себя. Олверти возвращает Тома в лоно семьи и объявляет его своим наследником. А так как Вестерн в душе своей всегда восхищался этим ловким, умным и красивым парнем, то он охотно благословляет союз его с Софьей.

В центре романа стоят образы Тома и Блайфила и отношения между ними составляют основной конфликт, в котором Фильдинг раскрывает свои широкие воззрения на мир, на человека и его поведение. В образе Тома Джонса находит свое воплощение мечта Фильдинга о полноценном, настоящем человеке, не отклонившемся от своей здоровой, жизнеутверждающей природы, и это поднимает Тома над практицизмом создающих свое благополучие героев Дефо и над идеально нравственными героями Ричардсона. Для Тома характерно цельное, радостное мироощущение. Он добр, прямодушен, честен, порывист и темпераментен. Он выше мелких мещанских предрассудков, творит добрые дела без тщеславия и совершает «грехи»

без ложной бравады или покаянного самоуничижения. Словом, он ведет себя так, как ему подсказывает не прописная мораль, а движение его души. Том — живой человек во плоти и крови и ошибки его вытекают не из испорченности его натуры, а из ее непосредственности и простоты.

Большая гуманистическая мысль вдохновляла Фильдинга, когда он создавал образ своего найденыша, юноши без рода и племени, — мысль о ничтожестве кастовых предрассудков. Нет такого понятия, как «позорное происхождение», утверждает писатель. Важен сам человек, его внутренние достоинства, его способность «творить добро». Том бескорыстно помогает полемому сторожу Черному Джорджу, спасает жизнь Горному Отшельнику, вырывает миссис Вотерс из рук негодяя Норсертона, наставляет на путь истинный несчастного Андерсена, которого нужда превратила в разбойника, помогает бедной семье миссис Миллер и т. п. Смелость, широта, полнокровность, с какой Фильдинг сумел изобразить человека из народа, являются его значительным вкладом в реализм XVIII века.

Блайфилл противостоит Тому как носитель ненавистных писателю пороков буржуазного общества: эгоизма, корыстолюбия, холодного расчета. Блайфилл — собирательный тип ханжи и лицемера, все его «злодеяния» облечены в покров добродетели, он сыплет моральными сентенциями, носит маску святоши.

Стремление к личной выгоде всегда имеет своими спутниками пренебрежение к другим людям и лицемерие. Блайфилл, как говорит Фильдинг, «заботился о выгодах единственного лица на свете, — своих собственных». Для него женитьба на Софье — это не только месть своему сопернику Тому; Фильдинг иронически замечает, что «Блайфилл любил Софью той пылкой любовью, которую могла охладить только потеря ее состояния». Вместе с тем Блайфилл лицемерно уверяет окружающих, что хочет жениться на Софье «из сострадания», чтобы спасти ее от союза с «негодяем Томом». Своей клеветой он добивается изгнания Тома и лишения его наследства. Блайфилл не останавливается перед тем, чтобы подкупить свидетелей против Тома, упрятать его в тюрьму и таким образом совсем устранить со своего пути.

Фильдинг уделяет особое внимание разоблачению ханжества и лицемерия, считая их «пороками общественными». Лицемеров и ханжей он извлекает изо всех уголков общества и карает их смехом. Особенно ненавистны ему лицемеры в религии. Набожность всегда вызывает недоверие Фильдинга, он видит в ней только притворство и уверяет читателя, что «лицемеры обесславили религию и добродетель больше, чем самые злоязычные хулители и безбожники». Их он выводит в образах богослова Твакома и философа Сквейра, учителей и наставников Тома и Блайфила. Фильдинга не обманывали наружный блеск, внешнее благочестие, показная доброта. Руководимый

стремлением «познать другого лучше, чем он сам себя знает», он пристально и внимательно приглядывается к поведению людей, исследуя мотивы их действий, вскрывая фальшь в их отношениях.

Соображения личной выгоды управляют капитаном Блайфилом в истории его сватовства к мисс Бриджет, даме «с сильной склонностью к замужеству». Любви нет и в помине, капитан женился «на землях и угодьях мистера Олверти и ему было почти безразлично, кого из них взять за ними в приданое».

Сколько юмора вкладывает Фильдинг в описание жизни «счастливой четы»! Говоря о неожиданной смерти капитана Блайфила, он называет ее «средством вернуть утраченную любовь жены» и лицемерное вдовье горе сопровождает веселыми комментариями.

Фильдинг нападает на пороки аристократии, ее эгоизм и развращенность. Представителям высшего света он отказывает в тех добродетелях, которые находит среди низшего класса. Вместе с тем, он далек от идеализации «низов»: Черный Джордж, его дочь Молли, слуги, трактирщики грубы и корыстолюбивы, их жадность — это результат материальной необеспеченности, а грубость — от недостатка воспитания и культуры.

Расчетлива Молли, которая извлекает выгоду из того, что люди считают Тома отцом ее ребенка. Она алчна, падка на наряды, но Фильдинг объясняет это бедностью той среды, в которой она живет.

Выступая против кастовых предрассудков века, снобизма, высокомерия аристократии, Фильдинг был далек от мысли об уничтожении классовых различий. Он хотел бы устранить существующее неравенство сословий равенством умов и добродетели, исходя из просветительной концепции о «единстве человеческой природы»

Особенно внимательный к вопросам «частного быта», Фильдинг снова и снова возвращается к теме любви и брака. Он учит своих молодых читателей устраивать свое счастье по любви, убеждая их в том, что «деньги отнюдь не являются основой для счастья». Но, воспевая любовь, он не забывает и о благоразумии и осмортительности, в духе морализаторской тенденции своего времени.

Фильдинг ощущает себя писателем для масс. Он хочет заставить работать творческое воображение читателя, воспитать его вкус. Он высмеивает тех читателей, которые ищут в книгах пустых развлечений. Им он говорит: «Не тратьте время на чтение книги, которой вы не способны ни насладиться, ни оценить».

Своим романом Фильдинг-просветитель воспитывал также писателей и критиков. Восемнадцать вводных глав к отдельным книгам «Тома Джонса» — это глубоко продуманное введение

в большое искусство реалистического романа, одним из начинателей которого являлся Фильдинг.

В романе все живет и играет яркими красками. Поражает наглядность, пластичность описаний, жизненность и убедительность выводимых им персонажей. Для каждого из них он находит свежие краски, яркую, запоминающуюся деталь. Вот юная Софья, «блистающая красотой, молодостью и веселостью», — одно из самых замечательных реалистических созданий литературы XVIII века. Софья предстает перед нами как идеальная героиня и вместе с тем она вся реальная и земная. Ее появлению в романе сопутствуют звуки лиры и дыхание стихий и вместе с тем Фильдинг шутит над своей героиней, несколько не боясь унизить ее. Софья искренне и преданно любит Тома, готова разделить с ним все его невзгоды, она убегает из дома отца, чтобы избежать ненавистного для нее союза с Блайфилом. Ее не прельщает ни выгодный брак с лордом Фелламором, ни соблазны света. Софья, так же как и Том, обладает душой, способной чувствовать все прелести «самой возвышенной из всех человеческих страстей» — любви. Вот Партридж, «оруженосец» Тома Джонса, его спутник в странствованиях, «мастер по части шуток и юмора», вот наивно-простодушный Олверти с его сердцем, «жаждущим добра», вот отец Софьи — сквайр Вестерн, одна из самых колоритных фигур романа. Корни этого образа надо искать в быте сельского помещика. Вестерн деспотичен, груб и невежественен, больше всего на свете дорожит своим ружьем, собаками и лошадьми, которые занимают в его сердце первое место. Вспоминая о своей жене, он говорит: «Теперь, слава богу, ее уже нет в живых». Вестерн — тори и всем сердцем ненавидит «ганноверских крыс», как он называет вигов, вечно ссорится по этому поводу со своей сестрой, но во всем уступает ей, помня о наследстве, утешая себя мыслью о том, что «не вечно жить мерзавке, а завещание, я знаю, сделано на мое имя». Равенство состояний для него первое и обязательное условие брака, и он проявляет немало отцовского деспотизма, желая заставить свою дочь выйти замуж за Блайфила.

Ощущая себя создателем нового жанра, Фильдинг не скрывается за кулисами, а остается на авансцене и ведет непринужденную беседу с читателем, весело шутит с ним, наставляет и поучает его, вводит в свою писательскую «кухню», раскрывает ему замыслы своего произведения.

Новаторство Фильдинга сказалось и в языке его романов. В современном Фильдингу романе повествование обычно велось от первого лица, что придавало однообразие и монотонность всему произведению. Фильдинг ввел в роман новые языковые пласты. Речь его героев, подвижная, гибкая, часто меняет свою окраску в соответствии с профессией и социальным положением говорящего и всегда отличается от несколько возвышенной,

риторической речи самого автора. Речевая характеристика персонажей, какой еще не знал роман до Фильдинга, в сильной степени содействует демократизации всего стиля его романов. Так, язык Вестерна изобилует охотничьими выражениями и даже самые нежные его чувства сопровождаются ассоциациями с псарней. Он, например, признается в том, что лепет любимой внучки для него «слаще лая лучшей своры в Англии». Чтобы подчеркнуть пристрастие Вестерна к бутылке, автор говорит, что он «откупоривал рот», желая что-нибудь сказать. Специфичен и язык его сестры, «ученой женщины», увлекающейся политикой. Она просит брата «ратифицировать условия», «не портить ее тонких переговоров» и т. п. Фильдинг часто прибегал к пародийно-героическому стилю; достаточно назвать главу, где появляется Софья, или вспомнить описание битвы на церковном дворе, вызванной новым платьем Молли. В его произведении есть элементы бурлеска, буффонады и фарса.

Роман Фильдинга «Том Джонс» — это светлый и радостный гимн земному, деятельному человеку, который выходит победителем из всех столкновений с социально-неблагоустроенным миром.

* * *

В «Джозефе Эндрусе» и «Томе Джонсе» Фильдинг еще тешит себя иллюзией о возможности относительной «гармонии вещей» и торжества доброй человеческой природы, но в последние годы своей жизни он теряет одну за другой все свои иллюзии. Он видит, что английская действительность жестока и неумолима к среднему человеку. Деятельность Фильдинга как судьи открыла ему глаза на все темные и страшные стороны английской жизни. Фильдинга упорно мучают социальные вопросы, и он страдает за несчастных и обездоленных.

В последнем своем романе «Амелия» (1751), отмеченном печатью горестных раздумий и чувствительности, Фильдинг как бы вновь возвращает нас к теме «Джонатана Уайльда». Сквозь ручьи слез, которые проливают герои его романа, вновь прорывается голос Фильдинга-сатирика и снова со всей остротой встает тема коррупции. Роман обвиняет правительство в том, что оно несправедливо к маленьким людям, что оно равнодушно к их несчастьям и повинно в их невзгодах.

Роман написан с целью, как говорит в посвящении автор, «содействовать делу добродетели и разоблачить некоторые из наиболее вопиющих зол, как общественных, так и частных, наводняющих в настоящее время страну».

В художественном отношении это произведение слабее предыдущих, в нем много сентиментальной дидактики и религиозного элемента. «Амелия» выражает разочарование писателя в тех надеждах и чаяниях, которые он возлагал на век Разума, но вместе с тем она свидетельствует и о том, что Фильдинг-гу-

манист не отказался от критики своего «испорченного века» и от мысли о необходимости исправить его ради блага тех, кто терпит нужду и горе.

* * *

Закладывая фундамент реалистического романа, Фильдинг естественно, в силу своего ограниченного буржуазного мировоззрения не мог постигнуть смысла больших исторических событий современности.

Значение и роль народных масс в общественном развитии и истории его страны были ему не ясны. Искренне желая благоденствия народу, Фильдинг не видел и не мог видеть тех разрушительных сил, которые зрели в буржуазном обществе.

В творчестве Фильдинга сказались некоторые слабые стороны английского просвещения: метафизические представления века, склонность к морализации. Современному читателю могут показаться наивными некоторые ситуации его романов с их неизбежно счастливым концом и системой образов, группирующихся по принципу резкого контраста; ему может показаться несколько растянутой и композиция романа. Но Фильдинг жил и творил в то время, когда английский реалистический роман еще только формировался, только приближался к действительности, делал свое первое знакомство с жизнью, брал первые уроки мастерства, когда он только готовился стать тем «всеобъемлющим» жанром, каким он стал в XIX веке, когда жизнь общества нашла в нем свое наиболее полное выражение.

Для нас дорог Фильдинг, создатель жанра реалистического романа, «прозаический Гомер человеческой природы», как называл его Байрон, дорого творчество Фильдинга-сатирика, смех которого и посейчас разит политиков, заседающих в парламентах и конгрессах, которые потрясают оружием и призывают к войне. Недаром американская коммунистическая газета «Дейли Уоркер» приводит гневные слова Фильдинга, направленные против тех, кто называет «опустошение других стран службой своей стране».

И в наши дни сатира Фильдинга бичует парламентскую коррупцию и тех, которые «подкупают живые души на свободных парламентских выборах». И по сию пору еще остается в силе требование Фильдинга об обеспечении бедняков работой, и в наши дни безработный Лондона скажет словами Фильдинга, что «человек так же легко может умереть с голоду на Леденхольском рынке, как в пустынях Аравии». Еще существуют целые классы, использующие «руки других людей», классы, которые в своих корыстных целях следуют кодексу морали Джонатана Уайльда — «с равной готовностью жертвовать всеми людьми ради своих интересов». Разве не бичует сатира Фильдинга современных бизнесменов, для которых нажива составляет единственную цель жизни?!

По силе своего смеха Фильдинг стоит в одном ряду с корифеями мировой сатиры — Рабле и Свифтом. В смехе Фильдинга заложены могучие силы любви к человеку, вера в торжество его разума. И отдавая свое творчество на суд грядущих поколений, Фильдинг обращается к Музе: «Исполни восхищенные мечты мои надеждой на благосклонный прием у грядущих поколений!.. Обнадежь торжественным обещанием... что меня с уважением будут читать люди, никогда меня не знавшие и не видевшие...»

И сбылась эта мечта Фильдинга, обращенная к будущему. Его знают и чтут миллионы людей во всем мире, все, кому дороги культурные ценности прошлого, являющиеся достоянием всего передового человечества.

ВКЛАДЫ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
СПОСОБСТВУЮТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

ПРИНИМАЮТ ВКЛАДЫ до востребования,
срочные, выигрышные, условные и на теку-
щие счета;

ВЫДАЮТ ВКЛАДЫ по первому требованию
вкладчиков;

ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ из одной сберегатель-
ной кассы в другую;

ВЫДАЮТ и ОПЛАЧИВАЮТ АККРЕДИТИВЫ;

ПРОДАЮТ и ПОКУПАЮТ облигации Госу-
дарственного 3% внутреннего выигрышного
займа;

ВЫПЛАЧИВАЮТ ВЫИГРЫШИ по облигациям
государственных займов.

По вкладам, внесенным в сберегательные
кассы, вкладчикам выплачивается доход
в виде процентов или выигрышей.

**ВНОСИТЕ ВКЛАДЫ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ**